

НАГРАДА — МИР

нию. Его служба началась в пограничном городе Измаиле.

Молодой пулеметчик отличался дисциплинированностью, исполнительностью. Командир взвода Лукьянов с похвалой отзывался об Асряне. За первые полгода службы он получил шесть благодарностей.

Июнь 1941 года. В солдатские казармы ворвалось страшное слово «война».

— С первых же залпов, раздавшихся с правого берега Дуная, — рассказывает Оган Асрян, — мы были на ногах. Два дня враги не предпринимали попыток перейти реку. Дунай здесь широк, с болотистыми берегами. Только 24 июня рано утром от румынского берега отделилось 30 лодок. Как только они показались, лавина нашего огня обрушилась на противника.

В полдень 26 июня вражеские «хейнкелы» обрушили на передовые позиции полка смертоносный бомбовый груз.

После двухнедельных боев был получен приказ об отступлении. С упорными боями отходил пулеметный взвод Лукьянова. Оган назначается наводчиком четырехствольного пулемета, укрепленного на автомашине «ГАЗ-АА».

Враг пытался взять полк в клещи, но в упорных боях советские воины успешно отбивали атаки противника, выводили из строя его живую силу и технику. Асрян уничтожил три автомашины, более 60 солдат и офицеров, четыре мотоцикла.

Только в конце июля врагу удалось подойти к Одессе. С первого и до последнего дня обороны города Оган находится среди его героических защитников. На своей машине со спаренным пулеметом он появлялся то здесь, то там, неся смерть врагу. В этих боях Оган уничтожил сотни солдат и офицеров про-

тивника, поджег десятки автомашин, сбил два самолета.

После двухмесячных кровопролитных боев советские войска оставили Одессу. В темную сентябрьскую ночь Асрян вместе с подразделением выходит в море на рыбацком сейнере и направляется в Крым. Вражеские самолеты преследуют смельчаков. Но им удается благополучно добраться до Севастопольского рейда и влиться в состав 95-й дивизии 51-й армии, державшей оборону на рубеже Армянск — Джанкой.

Потом был Севастополь. Оган сражается на Сапун-горе, участвует во многих кровопролитных боях, проявляя чудеса храбрости и отваги.

3 июля 1942 года во время боя был разбит пулемет Асряна, а сам он взрывной волной выброшен из машины. Оган очнулся от удара фашистского янута. С трудом поднявшись на ноги, под дулом автомата, он двинулся к сборному пункту военнопленных.

Начинается новая, страшная страница в жизни Асряна. Фашисты решили отправить защитников Севастополя на изнурительные работы в Германию. Перегнав пленных в Симферополь, их погрузили в эшелоны. Сюда попадает и раненный Асрян. Несмотря на слабость, он принимает решение бежать. Как только поезд на одном из подъёмов сбавляет ход, Асрян выбрасывается из вагона. Часовой открывает стрельбу. Пули летят мимо. Но силы изменяют раненому. Еле живого, его снова доставляют на сборный пункт, откуда с очередным эшелоном отправляют в гор. Линдбург в Эльзас-Лотарингию.

Голодных, окровавленных севастопольцев привозят в лагерь рано утром. Их ожидают страшные мучения. На каждом шагу издевательства, унижения,

смерть. В сутки 200 граммов сухого хлеба и тарелка вонючей похлебки.

В течение первой недели было расстреляно несколько пленных. Их обвинили в нежелании работать. Как-то в один из солнечных дней во двор концлагеря вывели трех человек. Раздалась выстрелы. «Что вы делаете?» — воскликнул Оган и сделал шаг вперед. Удар приклада, и он, окровавленный, упал на землю.

— Вот видите, — говорит Оган, — показывая шрам на затылке.

В тот день немцы отобрали всех слабых и больных и вывели за ворота лагеря. Больше их никто не видел.

В июле 1943 года дошла очередь и до него. Группу в тридцать человек отправили в «лагерь смерти». Многих из них, — рассказывает Оган, — я знал в лицо, но фамилий не помню. Связавшись с тремя офицерами, решили совершить побег двумя группами. В Херсферд-Вафенвальде охрана была слабой. Фашисты считали нас обреченными.

В условленный час бежали. Всю ночь были в дороге, знали, что если поймают — расстреляют. На четвертые сутки вышли из леса. На железнодорожном пути стоял заброшенный товарный поезд. Обессиленные, мы едва влезли в него.

Асряну удалось дойти до Херсона. Здесь он попал в облаву, был арестован и направлен в Проскуров. Снова побег. И снова облава... В Белостокском лагере Оган пробыл до сентября 1943 года. Отсюда тоже бежал. В г. Волковыске попал в лапы врага. В октябре новый побег. В Варшаве прятался у польского сапожника Таняна, который устроил его в воинский эшелон. Поезд шел долго, без остановок. Наконец, по-

слышались крики: «Париж! Париж!». Дверь тамбура открылась, и два железнодорожника с ружьями вытолкнули Асряна на площадь.

В Париже Оган познакомился с двумя армянами, из которых один назвал себя Карапетом Манташяном (Карписом), другой — Саркисом Манукяном. Они наняли ему комнату, оказывают медицинскую помощь, снабжают одеждой, обувью.

— В те дни, — вспоминает Асрян, — я связался с подпольной группой французской Компартии. Участвовал в борьбе трудящихся Парижа против фашистов, в освобождении города в июле 1944 года. Накануне парижского выступления Сел-Жерменский районный комитет Компартии Франции принимает его в свои ряды и вручает партбилет № 454365 за подписью Мориса Тореза.

Советская Армия разбила фашистов. Повержен Берлизи. Народы празднуют победу. Улицы Парижа запружены колоннами демонстрантов. Среди них Асрян с красным знаменем в руках.

Родной Кавказ Оган увидел летом 1946 года.

Герой Дуная, Одессы и Севастополя, бесстрашный воин, совершивший шесть побегов из фашистского плена, активный участник французского Сопротивления занят ныне мирным созидательным трудом. Он житель села Ванк Мардакертского района Нагорного Карабаха, работает в лесхозе. Летом нередко приезжает в Армению, участвует в геологических экспедициях.

У него нет ни орденов, ни медалей. Для него самая большая награда — завоеванный мир, счастье своих детей.

Ш. ПОГОСЯН,
подполковник запаса.

СТОЯЛ жаркий сентябрьский день 1947 года. Рядом со мной в привокзальном саду станции Евлах оказался высокий человек с грустным, задумчивым взглядом. Он чем-то сразу привлек мое внимание. Я стал присматриваться к нему. Сердце мое учащенно забилось. Неужели он, наш Оган?

Странно увидеть рядом с собой покойника. А что он погиб, мне писали на фронт родные. Узнает ли он меня? Я ждал, что вот сейчас он скажет: «Разве это не ты...». Так говорят карабахцы, встречаясь друг с другом после долгой разлуки.

Из-под густых бровей на меня смотрели большие карие глаза.

— Откуда ты?

Несколько помедлив, я ответил:

— Твой односельчанин. Даже твой учитель.

— Что? — вскопчил с места мой собеседник. — Из нашего села и даже мой учитель?

— Да. Неужели забыл? Он обнял меня.

Начались взаимные расспросы, воспоминания. Волновались оба. Достав из кармана обрывок газеты, Оган непослушными пальцами свернул «козью ножку». Спустя минуту крепкий мажорочный дым легким облачком окутал скамейку.

— Расскажи о себе, — попросил я. — Говорили, что ты не то погиб, не то утонул в Черном море.

Пронзительно затормозив, перед нами остановилась «Победа». Водитель распахнул дверцу, и я и Оган взобрались на заднее сиденье.

Я ехал домой в отпуск, а Оган Асрян возвращался из Баку в родное село Ванк. Дорога предстояла дальняя, и под мягкое шуршанье шин Оган начал свой рассказ.

...1940 год. После окончания школы девятнадцатилетнего Огана призвали в Красную Ар-